
Дождливая ночь

Перед посторонними Ло Хуай демонстрировал Чу Сюню поистине безграничное, едва ли не слепое потакание. И присутствующим не составило труда понять, какое место этот юноша занимает в сердце Правителя. Почтение и страх в их глазах удвоились; уходя, никто из них больше не осмелился бросить в сторону Чу Сюня даже мимолетного взгляда.

Но тот прекрасно знал: Правитель лишь играет свою роль. Этому «котенку», которого он когда-то подобрал и выкормил в своем гнезде, была свойственна такая степень зависимости, о которой не стоило и гадать.

Предчувствие его не обмануло. Стоило дверям гостиной закрыться, как Ло Хуай замер, не сводя с Носителя пристального, тяжелого взгляда.

Он изо всех сил старался казаться послушным и бесхитростным, но когда заговорил, его голос прозвучал вкрадчиво и тихо:

— Почему ты так хочешь уйти, Чу Сюнь?

— Тебя что-то привлекло там, снаружи? Скажи, и я всё тебе куплю...

В конце фразы голос Ло Хуая дрогнул от едва сдерживаемого гнева. Впрочем, он тут же осознал свою оплошность и поспешно отвернулся, маскируя вспышку эмоций. Юноша прижался всем телом к плечу Чу Сюня, словно ища защиты.

Со стороны он казался тихим, ласковым зверем, лнущим к хозяину. Но вопреки этой внешней покорности, объятия становились всё крепче. Сейчас Правитель напоминал прекрасную ядовитую змею из темного болота, которая медленно обнажает клыки, намереваясь навеки задушить свою добычу в смертельных кольцах.

Однако Чу Сюнь не был его добычей.

Он мягко обхватил лицо Ло Хуая ладонями и, опустив взгляд, произнес со скрытым смыслом:

— Ничто в этом мире не сможет меня удержать.

Тело собеседника мгновенно одеревенело.

Да, он знал это. Горькая правда всегда была перед глазами: даже если Чу Сюнь кого-то и полюбит, он никогда не останется ради него на одном месте.

Именно поэтому Ло Хуай так отчаянно боролся с искушением превратить Ворона в прекрасное, неподвижное чучело...

Чу Сюнь заглянул ему в глаза.

Глубокие черные зрачки Правителя казались настолько мрачными, что, казалось, они не отражали свет, а поглощали его, подобно бездонному водовороту. В них плескалась смесь чувств настолько густая и сложная, что любого другого она привела бы в неописуемый ужас.

Ло Хуай отчаянно пытался сохранить самообладание. Он даже не забыл коснуться щекой ладони Чу Сюня, демонстрируя свою преданность, хотя всё его тело была мелкая дрожь.

Чу Сюнь долго и внимательно изучал его лицо, прежде чем медленно спросить:

— Раз ты так злишься, почему не скажешь мне об этом прямо?

Юноша на мгновение замер, а затем через силу улыбнулся:

— Я не злюсь, брат. Мне просто страшно.

Договорив, он по привычке попытался поймать взгляд Чу Сюня, но не успел опомниться, как мир вокруг него перевернулся.

Он осознал, что оказался в крепких объятиях. Руки Ло Хуая невольно обвили вокруг шеи мужчины, и весь его вес лег на него.

Чу Сюнь был одет просто и по-домашнему, напоминая героя уютной рекламы, но, оказавшись в его руках, Ло Хуай отчетливо ощутил чужое тепло и мерный, спокойный стук сердца.

Его окутал аромат шампуня, запах кондиционера для белья и тонкий, едва уловимый шлейф морозной мяты — вечный спутник Чу Сюня.

Эта безмятежность и покой капля за каплей унимали бурю в душе Правителя.

Он не двигался, лишь плотно сжал губы, храня молчание.

Чу Сюнь мягко погладил его по волосам и произнес тоном, не терпящим возражений:

— Скажи мне правду, Ло Хуай. Ты ведь расстроен?

Ласка была настолько нежной, что тот не выдержал. Из его горла вырвался тихий, надломленный стон, похожий на крик загнанного в угол зверька.

Его гнев, наконец, прорвался наружу:

— Да, я расстроен! Конечно!

— Почему ты вечно пытаешься меня бросить? Почему не можешь просто остаться рядом со мной? Я отдам тебе всё, что попросишь. Я буду послушным, я буду умным... Я стану таким, каким ты захочешь меня видеть!

— Почему ты снова смотришь на меня так, будто готов оставить в любую секунду?

Ло Хуай смотрел на Чу Сюня с горьким бессилием, и в его взгляде наконец проступила та подавленная ненависть, что копилась годами. В памяти снова всплыл образ Ворона, с легким сердцем уходящего на смерть, и та безнадежность, что он испытал тогда, вновь захлестнула его.

Горячие слезы обожгли его глаза, и длинные черные ресницы намокли, больше не в силах скрыть глубокую, изнуряющую усталость, залегшую тенями под веками.

Прильнув к груди Чу Сюня, Ло Хуай тяжело и неровно дышал. Лишь спустя долгое время он со злостью зажмурился, заставляя чувства отступить.

Когда он снова заговорил, его голос был хриплым. Он вернул себе маску покорности и тихо прошептал:

— Брат, это не твоя вина. Это лишь моё упрямство. Я не должен был злиться, прости меня.

Но Чу Сюнь промолчал. Он лишь склонился и запечатлел невесомый поцелуй на его закрытых веках.

В этом жесте не было ни страсти, ни привычного искушения, которым Чу Сюнь обычно сводил с ума. Но от этого прикосновения зрачки Ло Хуая сузились, а сердце пропустило удар. Словно была затронута некая тайная струна души, и необъяснимое предчувствие ледяной волной пробежало по позвоночнику.

Чу Сюнь запустил пальцы в волосы Ло Хуая и, мягко приподняв его голову, коснулся губами его щеки.

— Я не должен был так говорить. Прости меня, — негромко произнес он.

— Если я попытаюсь тебя утешить, ты перестанешь злиться?

«Ты ведь специально говоришь то, что выводит меня из себя, — подумал Ло Хуай. — Специально заставляешь меня обнажать мою ненависть и гнев... Специально...»

Он обиженно покачал головой.

Его пальцы судорожно вцепились в воротник Чу Сюня. Наконец-то юноша позволил себе капризно опустить мокрые ресницы и прошептать:

— Я не хочу с тобой мириться. Ты делаешь мне слишком больно.

«Мне всегда было больно».

«Его невозможно удержать, но и отпустить — выше моих сил. Серебристо-голубая бабочка порой опускается на ладонь, но стоит сомкнуть пальцы, как внутри оказывается лишь пустота».

Чу Сюнь не рассердился. Он на мгновение задумался, а затем осторожно обхватил запястье Ло Хуая.

Почувствовав холод прикосновения, тот поднял взгляд. Он увидел, что улыбка исчезла с лица Чу Сюня. Его прекрасные серебристо-голубые глаза, скрытые тенью густых ресниц, сейчас казались торжественными и строгими.

Чу Сюнь поднял руку Ло Хуая к своим губам и коснулся поцелуем его тыльной стороны.

Он произнес фразу, и его голос был спокоен, точно тихая вода.

Но костяшки пальцев Правителя побелели — он сжал кулак, не веря своим глазам.

Ло Хуай, конечно, знал, что это значит...

Это был поцелуй-клятва. Жест признания верности и вассалитета.

Чу Сюнь приоткрыл глаза, и его взгляд был нежен, как предрассветный туман.

— Ты однажды подарил мне поцелуй смерти, — негромко произнес он, — чтобы я никогда не смог тебя предать.

— Теперь я возвращаю тебе свою верность.

— Ло Хуай, за всю свою жизнь я не давал клятв никому, кроме самого себя.

— А значит, цена, которую тебе придется заплатить, будет непомерно высока.

Дыхание Ло Хуая участилось. Его ответ прозвучал едва слышным шепотом, в котором сквозила болезненная, маниакальная одержимость:

— Я готов заплатить любую цену...

Он медленно повторил, придавая каждому слову вес:

— Абсолютно любую.

Чу Сюнь усмехнулся и коснулся его губ коротким поцелуем.

— Цена такова, — прошептал он, — используй всё, что в твоих силах, чтобы удержать меня рядом.

С этими словами он бережно закрепил на груди Ло Хуая цветок Проливен, который срезал ранее. Серебристо-голубой бутон расцвел прямо над сердцем юноши, сияя холодным огнем.

— Я оставляю самый прекрасный цветок в твоём сердце, Ло Хуай.

А Ло Хуай, дрожа, прикрыл цветок ладонью и безмолвно обменялся с Чу Сюнем самым сокровенным поцелуем, на который был способен.

«Я всегда утверждал, что ни одна клетка в мире не сможет меня удержать. Но сейчас я готов проверить... сумеет ли сеть по имени Ло Хуай поймать меня в свои ловушки».

«Любовь — это тюрьма. Но эта тюрьма и есть Ло Хуай».

— Значит ли это, что мы помирились?

Чу Сюнь лениво принял одежду, приготовленную для него. Было очевидно, что в таком домашнем виде Ло Хуай ни за что не позволил бы ему показаться на глаза посторонним. Чу Сюнь решил немного подразнить его: его глаза-персики лукаво сузились, а на губах заиграла улыбка.

— Иначе я просто побоюсь это надевать.

Ло Хуай снова превратился в спокойного, ласкового кота. Он прильнул к Чу Сюню, поцеловал его и с капризной уверенностью заявил:

— Мы помирились. Мы теперь самые близкие люди в мире.

Затем он поспешно поднялся на цыпочки и набросил на плечи Чу Сюня тяжелое пальто, тщательно проверяя, не осталось ли открытым хоть что-то лишнее. Лишь после этого он, с явной неохотой, последовал за Носителем к выходу.

Сегодня им предстояло уладить конфликт в квартале Ланфат. К нему недавно присоединили целую торговую улицу — новую территорию Ло Хуая, управление которой он доверил молодым кадрам. Однако те ожидаемо столкнулись с жестким сопротивлением старых кланов Ланфата.

Чу Сюнь всегда водил машину на грани безумия. Под его руками дорогой спорткар издал яростный рев и, разрывая ночной ветер и неоновые огни, помчался вперед. Вскоре они уже были на месте.

Они вышли на перекрестке улицы Кортон. Ночное небо затянуло тучами, и начал накрапывать мелкий дождь. Чу Сюнь неспешно раскрыл зонт, а Ло Хуай мягко взял его под руку.

На улице Кортон уже вовсю пахло порохом, но слух о том, что сегодня приедет сам Правитель, удерживал стороны от открытого столкновения. Владельцы местных клубов даже выставили посетителей и распахнули двери, демонстрируя роскошные интерьеры в надежде, что Ло Хуай почтит их своим визитом.

Чу Сюнь слегка наклонил зонт в сторону Ло Хуая и с непонятым выражением посмотрел на небо, где не было ни звезд, ни луны.

— Как думаешь, когда Бюро Пространства-Времени решит меня забрать? — с улыбкой спросил он у Системы 059.

«Они уже обнаружили тебя, — бесстрастно отозвалась Система 059. — Сейчас они исправляют баг, из-за которого ты здесь задержался. Думаю, ещё немного... и ты просто исчезнешь».

— Ты... не хочешь попрощаться с Ло Хуаем?

Чу Сюнь не ответил. Вместо этого он спросил:

— Я ведь правильно понимаю, что вы продолжите следить за Ло Хуаем как за главным героем мира?

«Да», — коротко подтвердила Система 059.

Чу Сюнь кивнул и вместе с Ло Хуаем медленно направился к центру улицы.

Там их уже ждали представители обеих враждующих сторон. Увидев Правителя, они синхронно склонились в глубоком поклоне.

Дождь продолжал падать, а воздух становился всё холоднее. Ло Хуая пригласили войти внутрь для переговоров, но тот явно не был настроен на долгие беседы. Он лишь плотнее прижался к мужчине, державшему зонт.

Чу Сюнь усмехнулся и обнял его. Ло Хуай удовлетворенно улыбнулся и начал что-то негромко объяснять собравшимся — на удивление, в его тоне почти не было привычной ледяной резкости.

Впрочем, Носителю это было не слишком интересно. Он почти с безразличием достал из кармана сигарету и неспешно прикурил. Сизый дым смешался с дождевой пылью, скрывая выражение его лица.

Подчиненные, продолжавшие свой доклад, на мгновение запнулись. Все знали, что при Ло Хуае курить категорически запрещено — у Правителя было множество табу, но этот человек, казалось, ни во что их не ставил.

Ло Хуай тоже замолчал и перевел на него взгляд. Все вокруг замерли, ожидая вспышки гнева.

Но ожидаемой сцены не произошло. Напротив, Чу Сюнь вынул сигарету изо рта и, лениво вертя тонкими пальцами серебристый фильтр, с вызывающим блеском в глазах спросил:

— Тоже захотелось затянуться?

Юноша покачал головой.

Чу Сюнь рассмеялся:

— Ну... тогда я, кажется, знаю, чего ты хочешь.

Он слегка склонил голову и уверенно поцеловал Ло Хуая в губы. Вкус ментолового табака мгновенно сплелся с дыханием, разжигая пламя скрытого желания. Тот замер, послушно принимая это мимолетное тепло, его ресницы мелко дрогнули, и лишь через мгновение они отстранились друг от друга.

На глазах у всех они обменялись этим дымным, пропитанным двусмысленностью поцелуем.

В лужах под их ногами расходились круги от дождя, отражая два силуэта, прильнувших друг к другу. Они выглядели настолько гармонично, словно старинная, дорогая картина маслом, забытая под ливнем.

В этот миг время словно остановилось. Но, к сожалению, именно тогда в сознании Чу Сюня раздался сигнал.

[Внимание: Обнаружен критический сбой]

[Статус: Принудительное устранение ошибки...]

И тогда, на виду у всех, Чу Сюнь с поразительным спокойствием поднял руку. С бесконечным терпением и нежностью он стер капли воды с лица Ло Хуая.

Затем он вложил рукоять зонта в его ладонь, а холодное дуло пистолета прижал к виску Правителя — туда, где пульсировала сама жизнь.

Чу Сюнь негромко рассмеялся, и в его голосе послышалась горькая ирония:

— Дорогой, встретимся в следующей жизни.

Раздался выстрел.

<http://bllate.org/book/15843/1436114>